

Смеялся месяц... И от соблазна
Сокрыл за тучи острый рог.
Дрались... А мудрость лежала праздно
На перекрестке трех дорог.

*Зинаида Гиппиус.
Мудрость*

Глава 1

ЩЕНКИ

Под железным потолком горела тусклая лампочка без абажура. В гараже пахло бензином и рвотой.

Полный рыхлый мужчина, давно разменявший пятый десяток, сидел в круге света от тусклой лампы. Его крепко-накрепко привязали к стулу, замотав руки и ноги скотчем.

Он находился в гараже — он это понял, когда с трудом открыл глаза, очнувшись от долгого обморока, вызванного ударом по голове сзади. Собственно сам момент удара он не помнил. Память сохранила лишь смутную картинку, как он подрулил к своему загородному дому и нажал на пульт ворот гаража. Но пульт отчего-то не сработал, и ему пришлось выйти из машины, чтобы открыть гараж вручную. Это последнее, что запечатлелось в его памяти — темнота летнего вечера, пряного и прекрасного после Великого Карантина, и свет фонаря.

Дальше — просто тьма.

И вот — сумрак, лампочка под железным потолком. Гараж.

Не его гараж. Он понял это сразу, как только огляделся, поворачивая голову, пульсирующую тупой болью.

— Я прошу у тебя прощения.

Голос хриплый, до крайности взволнованный. Почти истерический голос — мужской. Но в нем какие-то бабьи нервные ноты.

— Я умоляю тебя простить меня.

Примотанный скотчем к стулу мужчина не видел говорящего — тот стоял позади. Обхватил его за горло, насильно запрокидывая голову назад, рванул так, что чуть шею не сломал. И когда привязанный к стулу заорал от неожиданности, боли и страха, засунул ему в рот, чуть ли не в самое горло, пластиковую бутылку, наполненную водкой.

Может, и еще чем-то, кроме водки.

Привязанный к стулу едва не захлебнулся, забился, пытаясь повернуть голову и вытолкнуть изо рта горлышко бутылки. Его мучитель вроде как отпустил его. Но в следующую секунду пальцами зажал ему плотно нос, заставляя снова открыть рот широко, и водка лилась, обжигая гортань и пищевод.

Привязанного к стулу вырвало.

Но это помогло мало. Достаточное количество алкоголя попало ему в желудок. И он уже чувствовал, что пьян. Было и еще что-то не так с этой водкой... Кроме жара опьянения он ощущал пугающую скованность во всем теле. Перед глазами все плыло.

Какие странные звуки...

Кто-то скулит...

Словно жалобный плач...

Или это галлюцинация? Морок?

— Я прошу у тебя прощения, — снова повторил хриплый голос у него за спиной. — И ты должен, обязан меня простить.

Говоривший сделал шаг и вышел из тени. Обошел стул с привязанным к нему мужчиной и встал перед ним.

Он больше не скрывался.

Он позволил себя увидеть.

И это наполнило сердце привязанного ледящим страхом.

Хотя в облике его мучителя, его похитителя не было ничего inferнального, ужасного.

На первый взгляд — заурядный человек.

Самый обычный мужчина.

— Прости меня.

Он смотрел на свою жертву — прямо в глаза и про-
износил это нервно, но так искренне, так страстно, что...
его жертва просто не могла не прислушаться к этому тону,
к умоляющей интонации.

И взгляд...

— Ну, хочешь, на колени перед тобой встану?

Мучитель медленно и грузно опустился на колени пе-
ред привязанным к стулу. Перед напуганной, обреченной
на муки и смерть жертвой.

— Вот, видишь? Я на коленях перед тобой. И умоляю
о прощении. Думаешь, мне легко сейчас?

Пауза. Только хриплое прерывистое дыхание привязанного к стулу.

— По-твоему, я сумасшедший?! Отвечай!

— Я... я не знаю... нет... Что вам от меня надо?!!

— Мне от тебя надо все. — Мучитель смотрел на него
почти жалобно. — И я бы никогда этого не сделал. Все
это так дико... Я и сам это признаю. Дико... жутко... глупо...
так глупо... Но я ничего не могу сделать, понимаешь?
Я должен! Я обязан. Она так сказала...

— Кто она?

— Она... она не простит, если я отступлю сейчас или
пойду на попятный. Она так сказала мне — либо ты... либо
они. Ну конечно же, они... конечно, вы... ты... Не я же.

Привязанный к стулу смотрел на него. Он не понимал
этого бреда. Все казалось ему страшным сном, кошмаром...
Только вот...

В кошмарах не воняет собственной рвотой, испачкавшей
дорогую рубашку, запятнавшей стильный галстук.

И эти звуки...

Скулеж... плач...

— Прости меня, мой друг, — сказал мучитель, кото-
рый не был ему другом.

Он поднялся с колен. Достал из кармана куртки мобильный. Включил камеру на съемку. И поставил мобильный на полку гаража, чтобы у камеры был самый лучший ракурс.

Затем направился вглубь пустого просторного гаража — во мрак. И через минуту появился в круге света с плетеной корзинкой.

В корзинке — щенки. Маленькие, еще слепые. Два черных щенка, отнятых у приبلудной прикормленной дворняжки, которую пришлось отравить крысиным ядом, потому что она — мать — к своим новорожденным деткам никого не подпускала.

Привязанный к стулу видел, как его похититель достал обоих щенков из корзинки. Они скулили, пищали, сучили крохотными лапками, когда он держал их на весу, словно любуясь ими и показывая их своей жертве.

А потом он крепко, очень крепко начал сжимать кулаки, смыкая пальцы на шеях обоих щенков.

Они пищали, скулили, плакали...

А он медленно душил их на глазах своей потрясенной жертвы.

Когда щенки затихли, он аккуратно положил их снова в корзинку.

— Вот так. А тебе любопытно было на это смотреть? — спросил он тихо свою жертву.

— Ублюдох... садист... ссволочь! — Привязанный к стулу на миг позабыл даже собственный страх. — Что ж ты творишь?!

— Это только начало. Первый шаг. — Его мучитель грустно поник головой. — Она говорит — чем больше мучений, слез, страданий, боли — тем лучше. Тем крепче. Надежнее. Понимаешь — надежнее! А это самое главное.

Он зашел за спину привязанного. И что-то звякнуло. Какие-то металлические предметы. Они лежали на верстаке. Но мужчина не видел, что там такое лежит. Одна-

ко одно осознание... что там что-то есть... *нечто острое*... парализовало его тело. Или ощущение паралича было вызвано чем-то иным?

Его похититель снова встал перед ним — с большим садовым секатором в руках. Он смотрел на свою жертву не мигая. А потом поднес секатор к его груди и...

Щелк!

Мощное лезвие щелкнуло и разрежало скотч, путы, которыми мужчину прикрутили к стулу.

Щелк!

Обрезки скотча упали на бетонный пол.

А следом на пол грузно свалился со своего стула и тот, кто был к нему примотан, а теперь вроде как свободен.

Свободен?

Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Тело не повиновалось ему, хотя он ощущал его и чувствовал жжение от садин. И боль в затылке. Ощущал, как холодит ему бок бетонный пол.

Но он не мог пошевелиться. Не мог поднять руку. Не мог согнуть ногу. Он словно погрузился в сон.

Внезапно сонный морок пропал, хотя оцепенение по-прежнему сковывало все его тело.

Сердце пронзил ледяной ужас.

Он увидел то, что взял с верстака его мучитель, отложив секатор.

Теперь в его руке был топор — тяжелый, остро наточенный топор дровосека.

— Ну, прости меня, мой друг. Мой бесценный прекрасный друг, — принес мучитель, ногой осторожно, почти бережно поворачивая его на спину. — Клянусь, не было, нет и не будет в жизни кого-то ближе, драгоценнее и дороже тебя для меня. Она правду мне сказала: когда сделаешь все это сам, своими руками — только тогда поймешь, что это значит. Что это такое. И как это важно. Велико. Как это *хорошо*...

Схватив топор обеими руками, он суетливо и неумело вскинул его высоко над головой и, выдохнув хрипло, рубанул...

Его жертва уже не кричала, а выла, пытаясь хоть как-то пошевелиться, повернуться, укрыться, уползти...

Глава 2

ПОХИЩЕНИЕ

Слава Крутов на мотоцикле добрался до дома своей покойной бабки в Отрадном только в девять вечера. На федеральном шоссе произошла авария, и он проторчал в пробке почти полтора часа. Мотоцикл не выручил — он прошмыгнул на нем среди машин до самого места аварии, но дальше проезд закрыла полиция, перегородив шоссе своими авто с мигалками. А на обочину как назло на этом участке съехать было невозможно из-за бетонных ограждений. Пришлось ждать и терпеть.

Ну что ж, он честно вытерпел целый нескончаемый карантин. Апрель, май, почти весь июнь...

Его терпение закончилось 15 июня. Оно лопнуло не только у него, но и у всех его друзей, у пацанов и девиц, с которыми он весь долгий карантин общался лишь на какой-то дрянной страничке ВКонтакте, где все шпыня-ли друг друга и срывали злость из-за взвинченных принудительной изоляцией нервов, хотя и считались как бы «друзьями». А потом кто-то кликнул клич — баста! Так мы все просто рехнемся. Надо встряхнуться.

И они решили устроить тайную вечеринку назло Великому Карантину и всем запретам.

На вечеринке все перезаразились коронавирусом. Собственно, многие узнали это лишь постфактум — и Слава Крутов в том числе. В свои девятнадцать он перенес новую

чуму сравнительно легко — покашлял, потемпературил денек, никому не сказал из домашних — ни матери, ни бабке. К бабке даже сгонял на мотоцикле, оформив пропуск, как только почувствовал себя получше — сделал благородное дело как любящий внук: привез ей продуктов, забрав их в постмате «Метро».

Бабке стало плохо через три дня после его приезда. Через неделю она умерла в инфекционном госпитале, развернутом на месте выставочного центра. Коронавирус в тяжелой форме.

Мать обвинила его в том, что он пошел на ту чертову вечеринку, заразился сам и заразил бабку. Мать любила свою мать и искала виновных. Кричала на него, что он бессердечный эгоист, не понимающий, что мир изменился безвозвратно. Что вот он жив и здоров, а ее мать — еще крепкая семидесятилетняя женщина — мертва.

В ответ Слава лишь бубнил: «Мам, мам, прекрати, что за ерунду ты несешь? При чем тут я? Это болезнь».

Он и правда, искренне недоумевал. И самое главное — не верил, что стал причиной смерти бабки, которая вырастила его. И оставила ему в наследство дом в Отрадном — дачу, где он провел все свое детство.

Он так спешно помчался на мотоцикле в Отрадное, потому что назавтра мать записала его на прием к нотариусу. Надо было начинать оформлять бабкино наследство — дом. А документы и на дом, и на участок так и лежали со дня бабкиной смерти в ее комод. Необходимо было их срочно забрать. Мать не поехала сама. В ее мозгу подобно чудовищной ядовитой орхидее расцвел странный психоз — будто дом ее любимой матери, умершей от коронавируса, теперь надолго заразен. Зачумлен.

Каких только психозов нет сейчас на эту тему. Каких сплетен! Слава в свои девятнадцать презирал все это. Но вместо матери поехал сам — он ведь уже переболел, пусть и в легкой форме, но что-то ведь там, наверное, осталось

в его организме — какие-то антитела, про которые все сейчас болтают неведь что.

Оставив мотоцикл у забора, он отпер замок калитки, вошел в сад, захлопнул калитку и... внезапно почувствовал — что-то не так.

Смутное чувство тревоги...

Еще более смутное неуловимое чувство грозной опасности...

С ним такое уже случалось в раннем детстве. Например, как сигнал в мозгу — не надо идти по той улице и заворачивать за угол — там компания пацанов, уличной шпаны, караулящей мелких, чтобы отлупить и обобрать.

Но сейчас это чувство было несколько иным...

Призрачным, что ли...

Слава прошел по дорожке среди давно оцветших бабkinых флоксов и пионов. Оглянулся. Кусты вдоль забора. Вечерний сумрак — нежные, пепельные тени, что становятся все гуще. И жемчужно-серое вечернее небо.

Слава, насвистывая рэп, взбежал на крыльцо, достал ключи из кармана ветровки и...

Внезапно резко обернулся.

Стебный мотивчик застрял в его горле.

Он никак не мог понять — что именно его так внезапно и сильно напугало?

Здесь никого нет. Бабкин дом в конце тихой дачной улицы. Соседи давно живут за границей и на дачу не приезжают много лет. Их участок зарос. Там настоящий лес. Джунгли...

Слава вглядывался в вечерний сумрак — хлипкий штакетник разделяет участки, а за ним — кусты, заросли...

Чувство такое, словно где-то рядом затаился грозный хищник. И смотрит на тебя из засады. Оценивает. Готовится напасть...

Да что же это за бред? Это все нервы, нервы, нервы, расшатанные карантинном и долгим бездельем, потерей работы в ресторане «Горыныч», куда он с таким трудом

устроился зимой официантом. Это и бабкины похороны, и несправедливые обвинения матери...

А что, если дух бабки все еще здесь?

Слава усмехнулся криво, потряс головой. Ты че, вообще, пацан? Ты че придумал сам себе?

Да, бабка не собиралась умирать. У нее имелись планы на жизнь. У нее были деньги, этот дом. Подруги — старые дамы из обеспеченных московских семей. Она вечно суе-тилась, болтала по телефону, стряпала, такой живчик, но...

Им же даже в больницу — в тот инфекционный госпиталь — не разрешили приходить ее навещать. Они с матерью после госпитализации бабки сдали тесты на коронавирус. И у него он был положительный, а у матери нет. И она буквально заперлась от него в своей комнате...

Бабка умерла в одиночестве.

Затаила ли она зло на него?

Винила ли его?

Нет, нет... она любила его... она вырастила его...

Но отчего ему так не по себе сейчас — здесь, у ее дома, на ее крыльце, перед ее дверью? Совесть заела?

Шорох в кустах...

Он снова резко обернулся.

Маленькая плюгавая собачонка выскочила из кустов. Что-то вроде клочкастой болонки — в шлейке с волочащимся за ней поводком. Тявкнула как-то жалобно.

Слава спустился по ступенькам крыльца. Это что еще за явление?

— Ты откуда здесь? Ты чья?

— Ой, моя, моя! Это моя собака! Мики... Мики, мое золотко, иди ко мне...

Голос какой приятный.

Слава увидел у забора человека — черные кожаные брюки в обтяжку, берцы, косуха в заклепках, кожаная фуражка. На лице эта чертова маска. Даже здесь, на дачах, кто-то их не снимает!

— Моя девочка вырвалась у меня и шмыгнула к вам на участок. Не могли бы вы ее мне подать через забор. Или впустите меня, я ее сейчас заберу.

Голос просто прелесть.

На сердце у Славы потеплело. И страх пропал.

Он подошел к калитке, открыл ее.

У собачки и правда вид какой-то чумной — шерсть сваялась, глаза гноятся. Собачка подбежала к его ногам, умоляюще заглядывая в лицо. Она как будто просила о чем-то.

Человек, затянутый в черную кожу, словно в латекс, зашел на участок. В правой руке у него было большое черное шерстяное пончо.

— Мики, золотко, иди ко мне. Вы бы не могли поймать ее поводок? Пожалуйста. И прошу прощения за беспокойство.

— Конечно. А песик нервный у вас какой-то.

Слава нагнулся, чтобы взять поводок, волочащийся за собачонкой. И в этот миг...

Точно душный страшный покров на него накинули сверху — пончо, воняющее изнутри чем-то резким, химическим, сладким, тошным...

Он вдохнул эту гадость, пытаясь сдернуть шерстяную тряпку с головы, но его сильно ударили по ногам, подсекли, повалили на землю и притиснули сверху тяжелым телом, всем весом, не давая освободиться от удушающего покрова.

Через минуту, надышавшись, он потерял сознание.

Тьма.

Очнулся он от резкого запаха. Заморгал.

Под нос ему сунули пузырь с какой-то дрянью. Нашатырь, что ли?

Первое, что он увидел, — черное ночное небо, усыпанное звездами. И косматые тени деревьев на его фоне.

Он хотел пошевелиться — и не смог. Все его тело словно паутиной было обмотано липкой лентой — скотчем.

Он хотел крикнуть — и тоже не смог. Потому что скотчем обмотали и все его лицо, оставив свободными лишь нос и глаза. Этакий кокон, а не человек.

Он лежал на боку в багажнике просторного дорогого внедорожника.

— Очнулся? Отлично.

Голос тот же. Все такой же приятный. Но интонация изменилась. Какие-то истерические скрытые ноты, нервозность. Страх. И еще что-то...

Словно предвкушение.

— Как ты себя чувствуешь? На, выпей.

По скотчу у самых губ провели бритвой, вспарывая липкую ленту, порезали и губы. А затем что-то полилось — он видел бутылку в руке похитителя. Он едва не захлебнулся сладостью напитка — мед... молоко... сладкое молоко с медом...

— Я прошу у тебя прощения. Ты прости меня, пожалуйста.

Слава закашлялся. Он не понимал, где он и что с ним. Но липкий животный ужас уже овладел им. Все как в фильмах-хоррорах... Он их смотрел всегда с наслаждением и восторгом. Но как такое может случиться в реальности? С ним? Со Славой?!

Похититель с усилием начал вытаскивать его из багажника.

Вытащил.

Поволок за ноги прочь от машины.

Шел... шел... волок...

— Здесь. Правильно. Это здесь.

Слава лежал в дорожной пыли. И видел над собой черное бархатное ночное небо, усеянное звездами, словно жемчугом. Его похититель куда-то пропал. Возможно, вернулся к машине?

Слава забился на земле. Изогнулся. Приподнял голову, стараясь оглядеться по сторонам. Лес... Темнота... Но он не в чаше.

Это лесная узкая дорога. От нее начинается просека, уводящая в темноту. И есть еще одна дорога — совсем узкая, лесная тропа.

Перекресток. Он на перекрестке трех дорог. Но где это место? Как далеко его увезли от Отрадного?

Шаги. Жалобное тьяканье.

Его похититель вернулся, прижимая к груди правой рукой опутанную поводком болонку, которая жалобно скулила, словно плакала.

В левой руке — большая канистра.

Слава почувствовал запах бензина.

— Гляди, — просто, как-то свойски и очень доверчиво произнес его похититель.

Швырнул опутанную поводком собачку в пыль. Она шмякнулась на спину, перевернулась, пытаясь убежать, но намотанный на тело поводок не позволил. Похититель достал мобильный и, держа его одной рукой, начал снимать на камеру, другой рукой отвинтил крышку канистры и плеснул бензина. Бросил зажженную спичку.

Столб пламени!

Дикий визг!

Огненный шар прополз полметра — почти к самому Славе, к его лицу, обдавая жаром.

Слава дико заорал. Изгибаясь, извиваясь, как змей, он бился в пыли, пытаясь отползти, отдалиться от этого полыхающего заживо ужаса.

Его похититель молча смотрел на то, что было живым, а теперь сгорало в огне. Снимал на мобильный, держа его в вытянутой руке.

— Жертва ночная. — Голос тихий, печальный, усталый. — Конечно, это живодерство... И наверное, деградация. Но таковы правила. Я не могу их изменить. Так было всегда. И это даже жестокостью не считалось... Я прошу у тебя прощения. Лучше для всех и для тебя, если ты не станешь держать на меня зла, когда это случится сейчас.

Похититель с размаха выплеснул весь бензин из канистры на Славу.

— Наверное, не стоило приводить тебя в чувство. В отключке ты бы меньше мучился и так бы и не понял ничего... Но мучения необходимы, они обязательны... И мне нужно было попросить у тебя прощения. Хотелось видеть твои глаза...

Похититель приблизился к нему вплотную, наклонился.

Слава в этот миг увидел его глаза.

Ему показалось, что с ним говорит не человек.

В этом взгляде не было ничего человеческого. Но сквозила печаль.

— Нет, ты меня не прощаешь. Но это не важно. Есть четкий приговор. Либо они, либо... кто-то еще... Ну, получилось, что ты, парень... Конечно же, ты, а не они. За них я не просто убью, понимаешь? За них я умру.

Похититель достал из кармана косухи зажигалку. Вспыхнул крохотный огонек.

Он шагнул назад, продолжая снимать на мобильный, и швырнул зажигалку на землю, туда, где растекалась лужа бензина.

Все вспыхнуло в единый миг.

И возник огромный костер.

Глава 3

ТРУП

— Федор Матвеевич, здесь раны на теле. Подойдите ближе. Вы же не видите ничего оттуда.

Это сказал патологоанатом, обращаясь к шефу криминального управления ГУВД Московской области полковнику Гушину. Патологоанатом стоял у кривой сосны

с расщепленным молнией стволом. Сбоку к стволу дерева уже поставили складную лестницу, и один из оперативников вскарабкался по ней, готовясь ножницами перерезать веревку, не трогая петли и узла. Он ждал лишь команды, когда эксперты-криминалисты, осматривающие почву и дерн у корней дерева, полностью закончат свою работу и расстелят полиэтилен, на который сначала уложат снятое с дерева тело, а затем запакуют его для отправки в морг.

У сосны толпились сотрудники полиции — из местного отдела, из управления Главка, криминалисты делали свою работу, патологоанатом командовал и распоряжался. И лишь трое стояли на значительном расстоянии от сосны.

— Подойди посмотри, что там за раны, где. И сфотографируй для меня на мобильный, — тихо сказал полковник Гушин Клавдию Мамонтову, стоявшему с ним рядом. — Ну и ты тоже иди, глянь. Интересно, что такой, как ты, там увидит.

Странная фраза адресовалась стоявшему рядом с Клавдием Мамонтовым Макару Псалтырникову. Тот посмотрел на сосну, на окруживших ее полицейских, потом на Гушина. Да, эксперты-криминалисты работали, как и принято при осмотре места происшествия, в защитных костюмах и в перчатках. Перчатки были и на опере, который балансировал на складной лестнице, сжимая ножницы и готовясь перерезать веревку. Но больше никто из полицейских не носил ни медицинских масок, ни перчаток — этих новых атрибутов эпохи коронавируса.

А вот полковник Гушин словно собрался на биологическую войну. Мало того что он нацепил и маску, и перчатки, но лицо его прикрывал щиток из прозрачного пластика, придававший полковнику совершенно фантастический и слегка ненормальный вид.

Клавдий Мамонтов послушно достал мобильный из кармана и двинулся к сосне, Макар за ним.

Клавдий Мамонтов глянул на серое хмурое небо над головой. Июль... Раннее утро. Однако дождя ночью не было. Он как раз сейчас собирается, поэтому эксперты так торопятся завершить осмотр, собрать улики и все зафиксировать.

А вид у места происшествия ну просто бредовый! Ничего более омерзительного и зловещего он, Клавдий Мамонтов, на службе в полиции повидавший уже достаточно, не наблюдал.

На кривой, расщепленной молнией сосне в петле довольно высоко над землей висел труп. Это была женщина.

Клавдий приблизился и заглянул в ее распухшее багровое от удушья лицо с вывалившимся языком. Женщина средних лет, за сорок. С крашеными жидкими волосами, отросшими у корней, — такая грязно-серая седая линия на общем блондинистом тоне. Женщина была полной, грузной, широкобедрой. Из одежды на ней был только синий рабочий халат, криво застегнутый и обнажающий обвислые груди. Одежда явно не ее — новый халат, замаранный кровью.

Клавдий Мамонтов созерцал желтую кожу, синюшно багровое пятно на шее под подбородком, где в кожу впивался скользящий узел веревки.

— Что он такое делает, этот извращенец? — шепнул ему Макар Псалтырников, потрясенный тем, что видел.

— Свою работу. А ты молчи, комментарии твои все потом, — шепнул ему в ответ Клавдий Мамонтов.

Фраза Макара относилась к патологоанатому. Тот задрал подол синего халата жертвы, обнажая низ ее живота, лобок и ягодицы. Он указывал именно на ягодицы повешенной.

Клавдий Мамонтов увидел на них кровавые раны.

— Ножевые порезы. Ей было нанесено не менее десяти ножевых ран в обе ягодицы. Некоторые раны глубокие, не менее четырех сантиметров. Другие выглядят

как порезы. Все раны имеют прижизненный характер, и я полагаю, они вызвали обильное кровотечение, которое не прекратилось, даже когда тело было привезено сюда и вздернуто на дерево.

Патологоанатом говорил медленно, он работал сейчас на включенный видеореги­стратор. Клавдий Мамонтов снял раны с разных ракурсов на мобильный. Он не понимал, для чего Гущину это надо. Ведь будет запись видеореги­стратора и фотографии криминалистов. Но они так договорились с полковником. И он исполнял условия договора.

— Жуть какая, — снова, не удержавшись, шепнул ему Макар, разглядывающий раны на женских толстых ягодицах. — Это интимный вопрос. И она дама... леди... и чтобы вот так бесстыдно все демонстрировать...

— Это место убийства, — возразил ему шепотом Клавдий. — Умолкни ты. Они и так на тебя уже косо смотрят. Сейчас попрут отсюда.

— Мы закончили осмотр всего участка, забрали образцы. — Старший эксперт-криминалист показал на корни дерева и почву перед ним. — Два четко отпечатавшихся следа спортивной обуви. Один смазанный, нечеткий. Судя по всему, кроссовки. Размер тридцать девятый. Полагаю, что они оставлены убийцей. Вон там, на дороге, еще следы — четкие. Парные. Женских туфель на низком каблуке тридцать седьмого размера и тоже кроссовок — тридцать девятого размера.

— Это свидетельниц, — ответил начальник местного УВД. — Тех, что труп нашли и опознали. Я с ними побеседовал в первую очередь. Они там и стояли. Повешенную увидели именно с дороги.

— С перекрестка трех дорог, — шепнул Макар Клавдию Мамонтову — он все никак не мог утомониться.

Клавдий огляделся. Место и правда необычное. Весьма тихое. В километре отсюда федеральная трасса, там

остановка автобуса. От нее через поле и рощу проложена аборигенами тропа, которая уводит в лес у подножия холма, на котором стоит монастырь. В лесу тропа, что ведет от автобусной остановки, пересекается с просекой и еще одной лесной дорогой, ведущей к монастырской пасеке, расположенной на удалении от монастыря. Все это объяснил им с Гушиным начальник местного отдела полиции, отлично знающий здешнюю локацию.

Перекресток трех дорог, возле которого растет эта гиблая уродливая сосна, на нее и так смотреть противно из-за ее больного вида, а тут еще...

— Такие халаты послушницы в монастыре, кажется, носят, — заметил начальник местного отдела полиции. — То есть не послушницы... а эти, как их... трудницы.

— Это иногда одно и то же, — сказал громко Макар. Полицейские оглянулись на него.

Вообще, кто это такой?

Полковник Гушин — признанный уважаемый профессионал, их бессменный шеф, привез Макара с собой сегодня утром, когда пришло сообщение об обнаружении трупа. Положим, Клавдий Мамонтов, хоть и недавно работает, но в полиции области человек не чужой и уже довольно известный. Но этот тип! Синеглазый красавец блондин... Одни его рваные джинсы чего стоят и потертая косуха в заклепках, как у байкера.

— На коре дерева следы когтей, — бесстрастным тоном оповестил всех один из криминалистов. — На уровне середины среднего человеческого роста. Здесь и здесь, намного выше. Животное, которое их оставило, пыталось добраться до трупа повешенной. Подпрыгивало. И довольно высоко.

— А мы здесь не одни, — заметил Макар. — Я сразу почувствовал — за нами внимательно сейчас наблюдают. И много глаз.

Все как-то на секунду примолкли.

В лесу стрекотала сорока.

Клавдий Мамонтов оглядел заросли опушки леса, обрамляющие просеку и пятачок — перекресток трех дорог. Ему почудилось в кустах какое-то движение. Ветка колыхнулась...

Начальник местного отдела полиции расстегнул кобур, достал пистолет и выстрелил в воздух. Выстрел эхом пронесся над лесом. Над верхушками деревьев взмыли в небо лесные птицы, щебеча и галдя.

Кусты зашевелились, затрещали ветки и...

Не менее десятка бродячих собак вдруг выскочило на перекресток — здоровенные псы, отнюдь не тощие, лохматые, похожие на волков. Они окружили людей у сосны, молча вперяясь в них, в труп, болтающийся на веревке, и в то, что валялось чуть поодаль, почти в центре тройного перекрестка.

Начальник полиции снова выстрелил в воздух. И вся свора, заходясь злобным лаем, кинулась назад — в лес.

— Собаки бродячие. Их и раньше в лесах было немало. А за время карантина, пока люди три месяца по домам сидели, они здесь полными хозяевами стали. Нам жалобы на них поступали. Живность растерзанную жители в лесах не раз находили. И друг друга они едят. Стая на стаю. Каннибалы. — Начальник местной полиции убрал пистолет.

— Их привлек запах крови, — сказал патологоанатом. — Они разорвали тот пластик, в котором, как я уверен, убийца и перевозил тело, когда использовал машину. А он ее точно использовал. Мы нашли следы протекторов — это внедорожник. Собаки лизали кровь с пластика. — Он указал на ошметки целлофана, который эксперты изымали с места убийства и упаковывали как вещдок. — Я уверен — здесь у нас осталась кровь потерпевшей.

— Значит, женщина была жива, когда ее привезли сюда и повесили? — громко из своего «далека» спросил полковник Гушин.

— Да. Я даже так вижу — все признаки механической асфиксии у нее присутствуют. — Патологоанатом поднял голову, вглядываясь в лицо повешенной. — Причина ее смерти — механическая асфиксия. До этого момента она была жива. Только ранена.

— Почему же она не сопротивлялась? Ведь нет признаков борьбы. Нет следов ее босых ног. — Гушин продолжал уточнять.

— Скорее всего, она находилась в бессознательном состоянии, — ответил патологоанатом. — Проведем биохимию, посмотрим. Возможно, ей дали какой-то препарат. Иначе это объяснить нельзя. Вряд ли она явилась сюда вместе со своим убийцей добровольно, истекая кровью.

— Так ее везти-то недалеко было, — вмешался начальник местного отдела полиции, кивая в сторону монастыря. — Судя по тому, что она у нас уже опознана как...

— Подождите, давайте с осмотром закончим сначала, — приказным тоном, не терпящим возражений, заявил из своего «далека» полковник Гушин. — С ранами разобрались, следы обуви обнаружили. Следы протектора автотранспорта тоже. Нашли пластик, в который заворачивали тело, на нем следы крови. Так, хорошо, а что с этим?

Он указал в сторону перекрестка, где полицейские сейчас расставляли вешки и натягивали желтую ограничительную ленту, намереваясь работать и там со следами.

Клавдий Мамонтов подошел к тому, на что указывал Гушин.

Кровавые ошметки... клочки рыжей шерсти... обглоданные кости.

— Останки какого-то животного, — ответил криминалист. — Его растерзали бродячие собаки.

— Растерзали как? Поймали и загрызли? Или оно уже было мертвым?

— Невозможно сейчас это сказать. Нужно исследовать.

— Это собака, Федор Матвеевич, — сказал Гущину Клавдий Мамонтов. — Рыжая собака. Не белка же. И не лиса.

— А может, лиса. — Эксперт глянул на него с вызовом. — По этим останкам определить визуально нельзя.

— Мне кажется — это собака, — повторил Клавдий Мамонтов, уже не так уверенно.

— Я же сказал, бездомные псы — они все каннибалы, — хмыкнул начальник местной полиции. — У нас тут всего восемьдесят километров от Москвы. И уже такое зверье в лесах. Что говорить о какой-то глухомани на севере? Вот что три месяца безлюдья могут сделать. И цивилизация вся прахом.

— Давайте снимать тело с дерева, — скомандовал патологоанатом. — Я его еще должен детально осмотреть здесь, на земле.

— Я хочу поговорить с теми, кто нашел и опознал труп, — объявил полковник Гущин.

— Обе свидетельницы в нашем полицейском фургоне сидят, я их пока попросил задержаться. — Начальник местного отдела полиции кивнул на припаркованные на удалении от перекрестка полицейские машины. — Беседуйте с ними там, Федор Матвеевич.

— Нет, пусть выйдут обе наружу из машины, поговорим на воздухе. — Гущин повернулся и зашагал прочь от сосны.

Клавдий Мамонтов и Макар, словно его свита, двинулись следом.

Клавдий успел заметить, как переглянулись между собой начальник местного отдела полиции и патологоанатом.

Да и взгляды других полицейских, провожавшие полковника Гущина, были весьма красноречивы.

Глава 4

ОЧЕВИДЦЫ

Дождь, которого ждал Клавдий Мамонтов, так и не пошел. Напротив — выглянуло июльское солнце и стало даже припекать. До полицейских машин было совсем недалеко, однако на половине пути полковник Гушин неожиданно остановился. Он тяжело дышал. Ослабил галстук.

— Долой маску, Федор Матвеевич, здесь же никого нет, или на подбородок ее спустите, — посоветовал ему Клавдий Мамонтов, снимая пиджак от своего черного костюма и перекидывая его через руку. — Вам так дышать совсем невозможно. И перчатки долой. Свариться заживо можно в резине.

— И козырек дурацкий тоже прочь, — подхватил Макар Псалтырников.

Он и сам разоблачился — скинул косяку в заклепках, оставшись в белой футболке, с которой нагло скалился череп в зеленом берете.

— Не страшно сейчас такое носить? — спросил его Гушин, указывая на футболку с принтом. — Символ смерти.

— Sculp¹, черепушка. — Макар погладил грудь и череп, привычно именуя его на английский манер. — Это знак Иностранного легиона, между прочим.

— Служил в легионе? — Гушин окинул его взглядом из-под своего пластикового щитка.

— Нигде он не служил. Я же сказал вам, это мой кузен из Англии. Он в Кембридже учился, а потом полжизни в Лондоне бил баклуши на папины деньги, — пояснил Клавдий Мамонтов.

Обе свидетельницы уже ждали их на вольном воздухе — начальник местного отдела позвонил оперативникам, и те выпустили их из полицейского фургона.

¹ Череп (англ.).

Две тетки в летах — полная и худая. На полной — верх от розового спортивного костюма и юбка. Кенгурушка плотно обтягивала грузные груди и выпирающий живот. Чужеродной частью современного прикида выглядела пестрая ситцевая юбка совершенно деревенского вида, которая не вязалась ни с модными круглыми солнечными очками свидетельницы, ни с ее кокетливой розовой повязкой для волос. Клавдий Мамонтов заметил на ней белые кроссовки, испачканные глиной. Вот кто оставил следы на дороге тридцать девятого размера.

Вторая свидетельница была ей под стать — того же возраста и тоже в долгополой юбке и вязаной кофте внакидку — тощая, как жердь, но крепкая и ростом повыше. Она носила платок, завязанный «комсомолочкой», из-под которого выбивались отросшие за карантин пегие пряди. Обута она была в старые туфли непонятного цвета на низком каблуке. Ну, выходит, и со следами тридцать седьмого размера — от туфель — теперь тоже все ясно.

— Здравствуйте, я начальник криминального управления. — Полковник Гушин представился свидетельницам по полной форме. — А это мои помощники. Назовите, пожалуйста, свои имена и фамилии.

— Павлова Мария Сергеевна, — сказала худая.

— А я Кавалерова Нина Борисовна, — представилась ее толстая товарка.

— Расскажите все с самого начала — куда и откуда вы шли так рано утром и что увидели. — Гушин задавал вопросы, превозмогая одышку.

— У нас смена кончилась в госпитале, в том, что в Дарьино развернули, полевом мобильном. Ночная смена, мы там волонтерками работаем, — начала Павлова. — У меня это как послушание, еще матушка игуменя меня на сей труд благословила, я ведь монастырская. А у Нины — зов сердца. Она доброволец. Закончили смену ночную, сели на автобус в шесть утра и уже через час здесь были, вы-

шли на остановке и побрели потихоньку в монастырь. Так, Нина?

— Все так, Манечка, — ответила ей Кавалерова.

— Идем мы, значит, по дороге от остановки...

— А вы часто этой дорогой ходите? — уточнил Гушин.

— Каждый раз, как с автобуса, — ответила Кавалерова. — Напрямик. Одной, правда, лесом-то не очень комфортно в такой час тихий, безлюдный. Но нас-то ведь двое.

— Наши из монастыря здесь ходят. И кто возвращается из города, и кто с пасеки, здесь же три дороги сходятся. То есть это раньше наши тут ходили. А теперь в монастыре нашем срам сплошной, содом и гоморра — сами, наверное, по телевизору слышали. — Павлова горестно покачала головой. — Матушка игуменья нас покинула. А эти... орда немытая в кельях и в храме засела. А мы... ну, кто не с ними... нам приказ от епархии вышел искать себе место другое, покойное. Самим его искать! А как найдешь?

— Покойное — это на кладбище, — хмыкнул Макар.

— Манечка неправильно выразилась, — ответила ему Кавалерова. — Покойное — в смысле благопристойное. В другой обители. А то в монастыре с некоторых пор такой скандал идет, батюшки-светы...

— Про монастырь чуть позже, сначала о том, что вы видели здесь, — сказал Гушин.

— Ну а что мы видели... страх! Не дай бог такое никому увидеть и во сне кошмарном. Подходим к перекрестку. Глядим... а на сосне-то она висит — качается! — Павлова затрясла головой, словно отгоняя от себя жуткое видение.

— Вы ее сразу узнали?

— Я нет... сначала нет... и Нина тоже нет... нас как громом поразило. Если бы не Нина, я вообще бы прочь бежать бросилась со всех ног. Она меня удержала. Она похрабрей меня. Подошли мы с ней к сосне ближе... о госссподи... А это она!

- Кто она?
- Серафима... Сима... из монастыря, — подхватила взволнованно Кавалерова.
- Она монахиня? — уточнил полковник Гушин.
- Нет, она не монахиня. — Кавалерова вздохнула. — Она как Манечка — в миру и одновременно в скиту. Так это, Мань, называется у вас?
- Примерно так. У меня квартира в Павловском Посаде. Я всю жизнь проработала на разных должностях — сначала в исполкоме, потом в администрации местной, была замначальника бюро пропусков, — похвалилась Павлова. — Замуж так и не вышла, зато на пенсии оказалась. И подумала, что... монастырская жизнь... не схима, а весь этот уклад жизненный — молитва, покой, работа... Это как раз мое, по мне. Да и легче при монастыре существовать одинокой пенсионерке. Вот и Сима была такой. Она здешняя. Но у нее тоже никого. Она детдомовская.
- А как ее фамилия? — спросил Клавдий Мамонтов.
- Симиная? — Кавалерова глянула на него. Глаза у нее были круглые, серые, выпуклые, сильно навывкате. Взгляд приветливый, словно обволакивающий. — Ой, а я и не знаю... Манечка, как Симиная фамилия?
- Воскобойникова. — Павлова, видно, знала жизнь и обитателей монастыря лучше своей товарки.
- И вы ее сразу опознали? — снова уточнил Гушин.
- Ну да. — Кавалерова кивнула. — Она такая полная, как я, была. И волосы... Правда, Маня?
- Да... лицо, конечно, у нее... о госсподи... такая гримаса. — Павлова содрогнулась. — Язык она себе прикусила, как в петле билась. Я-то сначала подумала — грех какой, руки она на себя наложила, повесилась! Потом смотрим — а у нее халат весь в крови на заднице... Ой, простите, сорвалось с языка... на заду... И там еще какой-то ужас кровавый валяется в пыли — словно сожрали кого-то... Ну, мы тут не выдержали. Я бежать в монастырь

хотела. А Нина мне — погоди, пока добежим! Полицию надо срочно вызывать. И мобильник из кармана достает. Я-то про свой телефон в такой миг напрочь забыла.

— Так, значит, это вы вызвали полицию? — спросил Клавдий Мамонтов.

— Мы. — Женщины закивали.

— Сами мы к остановке вернулись. Нам так дежурный полицейский приказал по телефону. Мы ему точное место все никак описать не могли от волнения, — сообщила Кавалерова. — Он нам — вернитесь на остановку, ждите полицейскую машину. Покажете нашим сотрудникам место. Через десять минут приехали. Еще и автобус следующий не успел подойти. Так что и пассажиров-прохожих не было, — докладывала Кавалерова. — А потом ваши вообще проход закрыли к перекрестку.

— А вы сами какое отношение к монастырю имеете, Нина Борисовна? — поинтересовался Гушин.

— Я-то им седьмая вода на киселе. — Кавалерова вздохнула. — Не могу сказать, что монастырская жизнь меня привлекает, как Манечку. Если что и привлекает, то не уклад, а круг общения, люди монастырские, атмосфера церковная. Мы вот с Маней в госпитале волонтерничали весной — в самый разгар, ну сами знаете чего. — Кавалерова и на Гушина глянула своими выпуклыми серыми глазами. — Вы вот маску носите. Перчатки. И правильно. А у нас в госпитале такие дни были — у меня от маски кровавые полосы на щеках, потому что мы по двое-трое суток маски не снимали. Возле больных, у самых тяжелых в реанимации, в красной зоне.

— А все сам это видел. Я через это прошел. Я болел, — ответил Гушин.

Кавалерова задумчиво кивнула. И перевела свой взгляд на Макара, слушавшего их молча.

— Я посещаю монастырь. Сначала приходила к Мане, потом с монашками познакомилась. Они-то на карантине сидели, как все. А у нас были пропуска постоянные для

поездок — мы же как медперсонал. Ну а потом в монастыре началась ссора. Собственно, чего мы еще ждали? Вот, пожалуйста — чем все это закончилось! Убийством!

— А вы, когда увидели Серафиму Воскобойникову повешенной на дереве, подумали, что это убийство?

— Да. — Кавалерова кивнула. — Я Симу знала пусть и не очень хорошо, но достаточно. Богобоязненна она и истинная христианка. Она бы никогда не совершила суицид.

— Да у нас в монастыре они уже с ножами друг на друга — поубивать готовы, — горестно и пылко подхватила Павлова. — Такое безобразие творится. А для журналистов — все словно шоу. Приезжают с телевидения снимать наш позор! Эти — орда немытая — их гоняют чуть ли не палками. Драки, ругань! Казаков каких-то набрали для охраны. Какие они казаки? Алкаши все ряженые, самозванцы проклятые! А этот черт... что на нашу голову свалился... исповедник-то схимник... да он антихрист настоящий!

— Маня, ты не очень понятно опять выражаешься, — оборвала ее Кавалерова. — Полицейские не понимают твой церковный сленг. Да они и сами разберутся.

— Как ее нам называть — Серафиму Воскобойникову? Если она не монахиня, не послушница и не трудница? — уточнил Гушин

— Можно насельница, — сказала Кавалерова, — но это тоже не точно. Хотя... насельники — это те, кто какое-то место населяют. Зовите ее так.

— Вы считаете, что ее убийство как-то связано с происходящим в монастыре? — задал свой главный вопрос полковник Гушин.

— А с чем же еще это может быть связано! — в один голос воскликнули взволнованные свидетельницы. — Конечно, с тем, что там творится вот уже почти месяц!

— А у вас есть какие-то конкретные подозрения? Кто это мог совершить?

— Кто мог ее так страшно убить? Повесить на дереве? — Кавалерова пожала полными плечами. — Нет, увольте нас, это мы сказать не можем. Да мы и в монастырь в последнюю неделю не заглядывали. Я так вообще — с работы домой. А Манечка всего два раза и была. Да, Маня? Она тоже из госпиталя — к себе в Павловский Посад. Потому что...

— Потому что в монастыре находиться нестерпимо стало, — заявила зло Мария Павлова. — Не обитель святая, а приют мерзости и смертного греха!

Полковник Гушин поблагодарил женщин и записал их адреса. Клавдий Мамонтов предупредил, что их обоих еще будет допрашивать следователь.

Глава 5

ГНЕЗДИЛИЩЕ СМУТЫ. ПСИХОЗ № 6

— Получается, она из монастыря. Жертва, — объявил полковнику Гушину начальник местного отдела полиции. — У нас вся эта канитель с монастырем Кириллово-Глинищевским еще в карантин началась, а как ограничения сняли, так вообще такой бардак там. Нам в их свару вмешиваться запретили, потому как это внутренние церковные дела. Но там у них до драк дело дошло. Журналисты приезжают снимать — так на них приверженцы игумена чуть ли не с дубинами. Съёмочной группе камеры разбили, корреспондентке нос расквасили.

Они стояли возле патрульных машин, наблюдали, как тело повешенной Серафимы Воскобойниковой — монастырской насельницы, запакованное в черный пластиковый мешок, санитары грузят в «Скорую».

Солнце припекало все жарче. С опушки доносился аромат лесных цветов. Пчелы гудели в траве, прилетев с монастырской пасеки.

Клавдий Мамонтов смотрел на белый, обнесенный толстыми стенами Кириллово-Глинищевский монастырь, раскинувшийся на горе.

— Известен с двенадцатого века, — заметил Макар. — Впервые упомянут в летописи, когда был razорен монголами. В начале шестнадцатого века во время осады монастыря татарами по преданию над горой появилась гигантская фигура витязя с мечом. И татары трусливо бежали. С тех пор холм именуется Пужаловой горой. А вся местность вокруг — Кириллово-Глинищевской пустынь. При закладке кафедрального собора — вон его колокольня отсюда видна — присутствовал царь Федор Алексеевич лично, сынок Тишайшего, братан Петра. Позже в монастыре принял постриг Борис Голицын — воспитатель Петра и брат любовника царевны Софьи Василия Голицына. Кстати, они оба тоже монастырь посещали. Со времен царя Федора под стенами монастыря торговала ярмарка, художник Кустодиев сюда навещался на этюды рисовать ярмарочный быт.

— Ты откуда все это знаешь? — спросил удивленно Клавдий Мамонтов.

— Просто знаю. Слышал, читал. А сейчас монастырь взбунтовался. — Макар усмехнулся. — Явился некий схиигумен Афиноген и начал гнать волну — он напрочь отрицает вирус и эпидемию, считает все это глобальным заговором мировых масонов. Монастырь был женский, но он привел с собой своих последователей с Урала, и сейчас там сборная солянка — и монахи, и монашки, и миряне, и просто любопытные, сочувствующие. Афиноген страстный и популярный блогер — он ведет свой канал на «тьюбе», который регулярно блокируется Роскомнадзором, но словно Феникс из пепла возникает вновь — под другим

именем. Блогер-игумен прославился на всю страну. О нем регулярно сообщают медиа, снимают репортажи как о селебрити.

— Мы сначала ко всему этому как к анекдоту относились, потом как к бреду, психозу, — хмыкнул начальник местного отдела. — И на разборки их глаза закрывали. Но вот убийство. И таким зверским способом... Все, финита. Теперь разберемся с монастырем по полной.

— Схиигумена в комментах и соцсетях зовут Отец Офиген, — улыбнулся Макар. — Кто с кем разберется — это еще надо посмотреть. Он, говорят, сами знаете кого Антихристом в открытую именует на своем канале.

— Поедем туда все вместе, — скомандовал словно нехотя полковник Гушин. — Надо будет начинать их всех допрашивать, кого на месте, кого везти в отдел. Но сначала я сам поговорю с этим святым отцом.

Распорядившись, он молча полез во внедорожник Мамонтова, припаркованный у полицейских машин. Еще одно новшество — он не пользовался своей служебной машиной с водителем, как раньше. Предпочитал авто Мамонтова. Так они договорились. И опять же — Клавдий Мамонтов исполнял их договор.

Во внедорожнике полковник Гушин стянул наконец резиновые перчатки. Кисти рук его покраснели и вспотели. Он достал из кармана антисептик и щедро побрызгал на ладони.

— Руки, — скомандовал он.

Клавдий Мамонтов и Макар, как дети, протянули ему руки, и он обильно полил их антисептиком. Сдвинул пластиковый щиток на лоб и опустил маску на подбородок.

— С нами вы в машине без этой мурлы, — сказал Макар, кивая на перчатки, аккуратно запакованные Гушиным в мусорный мешок. — А там с ними...

— Ты переболел.

— Да, я сказал вам сразу.

— Но я-то не болел, Федор Матвеевич, — заметил Мамонтов. — Где же логика в ваших действиях?

— Не надо мне сейчас про логику, сынок, ладно? — Гушин смотрел перед собой. — Мы договорились, кажется.

До Кириллово-Глинищевского монастыря на горе доехали в полном молчании. А там дым коромыслом. Обогнавшие их полицейские машины с мигалками, с сиренами. И еще машины у ворот — прессы, телевидения и не только.

В воротах — Клавдий Мамонтов сначала подумал, что это ряженые или актеры, может, фильм снимают? Но какие сейчас фильмы? — плотная группа, преграждающая полицейским и не полицейским вход в монастырь. Женщины в черных монашеских одеждах и в мирских нарядах, замотанные до глаз в платки, мужчины — сплошь бородатые — в монашеской одежде и в мундирах, смутно напоминающих казацьи, но выглядящих так, словно их нашли на свалке.

— Ты не пройдешь! — зычным голосом орал дюжий бородач-богатырь начальнику местного отдела полиции, оказавшемуся у монастыря раньше Гушина.

— В связи с расследованием обстоятельств убийства я требую незамедлительно открыть правоохранительным органам доступ на территорию монастыря для проведения неотложных следственно-оперативных мероприятий по горячим следам! — чеканил полицейский.

— Снимайте! Снимайте! Сейчас здесь такое начнется! Дорогие телезрители, наша программа «Жизнь и Вирус», как всегда, в эпицентре событий! — заполошно голосил ведущий с четвертого телеканала, вместе с оператором снимающий и полицию, и монастырских. — Терпение властей наконец лопнуло! Полиция намеревается штурмовать мятежный монастырь. Мы ведем прямое включение с места событий. Но где же знаменитый схиигумен Афиноген? Его пока не видно среди его сторонников. Надо сказать, что

сегодня утром в окрестностях монастыря произошло некое событие, обстоятельства которого мы сейчас выясняем. Мы уже обратились за комментариями к полицейским! А пока — прямое включение! Оставайтесь с нами!

— Позовите схиигумена, — очень спокойно попросил полковник Гущин, снова надевший и маску и новые перчатки. — Я представитель областного главка, начальник криминального управления. Я хочу поговорить с отцом Афиногеном.

— А вот он-то захочет с тобой говорить? — крикнул кто-то из «казаков». — Эй, православные, не поддавайтесь на провокации! Они нас раскольниками и сектантами именуют — так это все ложь и наветы!

Из черного роскошного «Ягуара», остановившегося у полицейских машин, вышел импозантный священнослужитель в шелковой рясе с красивым наперсным крестом, с надушенной дорогим парфюмом окладистой бородой и гривой роскошных, словно завитых, кудрей. Он сразу надел на себя медицинскую маску.

— Секретарь епархии отец Викентий, — представился он полицейским. — Я должен зачитать раскольникам решение Священного синода об отлучении их от церкви. — Он взмахнул рукой, держа сафьяновую папку с документами. — Довожу до вашего сведения, что с настоящего момента человек, именующий себя схиигуменом Афиногеном, а в миру Валерием Жабровым, более не является возлюбленным чадом церкви, а переходит в разряд отступников веры и блудодеев! И подлежит церковному отлучению за выбор греховного и опасного пути раскола и смуты, соблазна и греха!

— Этот старец в миру Валерий Жабров? — тихо спросил полковник Гущин начальника местного отдела.

— Ага. Знакомая фамилия? Он же наш бывший, из органов. Я к нему в самом начале этой бузы приехал и так по-свойски ему — Валер, ну ты чего ваньку валяешь? Ты же

наш, бывший опер. Ну ладно — в тюрьме посидел, с кем не бывает. Чего ты сейчас-то горбатого лепишь? Юродствуешь? Народ баламутишь? А он на меня глянул и зашипел, как змей, — ах ты прихвостень антихристов, — начальник отдела передразнил игумена — бывшего сыщика.

— Моя прееелессть, — прошипел в тон ему Макар. — Ну это чудо что такое. Здешний протопоп Аввакум, оказывается, тоже из органов!

— Жабров лишается сана и не может более служить и проповедовать, крестить, исповедовать и отпускать грехи! — повысил голос представитель епархии. — А вместе с ним церковному отлучению подвергаются и те, кто осознанно и упрямо следует бессовестному и опасному словоблудию этого раскольника и некроманта...

— Сам ты некромант! Семья антихристово! — завизжали монашки в черном. — Не смей лаять на отца Афиногена! Он святой и пророк! А ты глянь на себя — борова гладкого! На какой ты тачке едешь! Мамону ненасытную свою ублажаешь! Чревоугодничаешь!

— Матильда! Матильда приехала! — пронеслось вдруг над площадью перед монастырем.

И все оживились, зароптали, засуетились. Телевизионщики вооружились длинными микрофонами с мохнатыми чехлами, подсовывая их поближе к «раскольникам».

К монастырю с сопровождающими приехала на внедорожнике Матильда Оглобина — ее не надо было представлять, потому что она и так уже успела прославиться на всю страну.

— Крымская Барабулька пожаловала. — Макар подтолкнул Клавдия Мамонтова локтем. — Ну, сейчас будет потеха. Отец Офиген ее бывший исповедник, они были долгое время очень близки духовно, как сплетничают соцсети. Но и она оставила его, как только он взбунтовался. А сейчас, видно, послана уговаривать его. Вот только кто ее послал, интересно? Вряд ли это ее собственная инициатива.

Крымская Барабулька некогда слыла молодой и симпатичной, этакой девочкой из комиксов Манга — большеглазой, похожей на эльфа, но за годы политического пиара и шухера уже успела постареть, поистрепаться, поблекнуть и обабиться. Сходство с эльфом у Матильды осталось, но эльф выглядел все более злым, мстительным и несчастным, словно огрызающимся на окружающий его мир.

— Афиноген, я приехала! Я звонила тебе! И вот я здесь. Давай поговорим спокойно, культурно, как нормальные люди! — тоненьким голоском «девочки из Манги» крикнула она на весь монастырский двор.

Среди монастырских произошло какое-то движение. Кто-то пролагал себе путь — и перед ним почтительно расступались.

И вот отец Афиноген появился в воротах захваченного им и осажденного властями монастыря.

Первое впечатление о нем — этакий зловещий худенький старичок. Второе — никакой не старичок, а седой мужчина лет пятидесяти, только старообразный, сморщенный, тощий. Третье впечатление — ну, вылитый Горлум из Властелина колец. И глазки пронзительные голубые — круглые. И ухмылочка под клочкастой бородой. Он был облачен в черную схиму, поношенную, закапанную свечным воском. На голове — черная шапочка с вышитым крестом и черепом с перекрещенными костями.

— Здравствуй, Матильда, — приветствовал он свою прежнюю последовательницу. — Здравствуйте и вы все, званые и незваные. Доброго вам всем здоровья и благополучия, чада Господни!

Клавдий Мамонтов отметил, что, несмотря на всю одиозность, отец Афиноген — бывший опер, ему чем-то сразу безотчетно понравился. Может быть, своей зловещинкой и тщательно скрытым от дураков внутренним стебом. И крепким стержнем.

— Я должна передать вам настоятельную просьбу, отец Афиноген. — Матильда назвала его уже, как раньше, «отцом» и на «вы». — Пожалуйста, прекратите все это. Оставьте обитель, распустите своих приверженцев. И закончите всю эту нелепую комедию, столь неподобающую ни вам, ни вашему прежнему положению и сану.

— Ты учить меня, что ли, приехала? — Он смотрел на нее с улыбкой. — Ты уже однажды страну нашу с фильмом про царя-государя все учила, учила, а тебя все личиком ясным об стол и об стол. И как ты мне плакала, как жаловалась — помнишь?

— Это было на исповеди. — Матильда выпрямилась. — Негоже тебе говорить все это, Феня... или ты Афоня? Это не только в церкви, но и у раскольников не принято. Грех смертный.

— Грех смертный предавать своих друзей, Матильда. Грех быть такой маленькой подлой Иудой, как ты. — Игумен покачал головой. — У тебя ведь что ни шаг — то предательство, сначала присягу нарушила, потом друзей предала, от меня отказалась — своего духовного наставника, которого сама же выбрала. Пошла прочь отсюда! — властно указал ей перстом отец Афиноген. — Вон! И закончишь дни свои, как Иезавель, сожранная псами! Это я тебе говорю — а мое слово пророческое!

— Вы собак имеете в виду? — громко, перекрывая всеобщий гвалт, осведомился полковник Гушин.

Все замолчали.

— Вы сейчас «псов» упомянули фигурально в библейском смысле или конкретное что-то имели в виду? — продолжал очень спокойно полковник Гушин. Схиигумен смотрел на него пристально.

— В километре от монастыря произошло зверское убийство, — продолжил полковник Гушин. — Убита насельница вашей обители Серафима Воскобойникова.

В толпе приверженцев и противников игумена слышались шепот, аханье-оханье, возгласы.

— Вам она знакома?

— Да, я ее знаю, — кивнул схиигумен.

— Тогда у меня к вам, Жабров, разговор особый.

Приватный. — Полковник Гушин пошел прямо на отца Афиногена, тот посторонился, давая ему дорогу и словно приглашая в монастырь. Клавдий Мамонтов и Макар двинулись следом. А за ними толпа сторонников схиигумена снова плотно сомкнула ряды, преграждая полиции вход в свое мятежное гнездо.

Глава 6

ПСИХОЗ № 6 — ИЕЗАВЕЛЬ

— Кто такая Иезавель в Библии? — тихонько осведомился полковник Гушин, пока они шли за схиигуменом Афиногеном.

— Леди, рассорившаяся с пророком Илией, — ответил ему Макар. — Они не сошлись во взглядах по целому ряду тем, и пророк ее проклял, пообещав, что ее труп разорвут псы. Так и случилось впоследствии. Официально церковь считает Иезавель символом гордыни и порока, негласно — борцом против установленных правил и символом женского протеста.

— Я все забываю тебя спросить — что ты в Кембридже изучал? — осведомился Клавдий Мамонтов.

— Философию, этику, историю. — Макар Псалтырников усмехнулся. — А ты думал — я только пью и на рояле играю?

— А пророк Илья сам натравил на Иезавель собак? — уточнил полковник Гушин.

— Нет, вроде как предсказал ей такой страшный конец. А там кто знает — Библия умалчивает.

Схиигумен Афиноген остановился посреди монастырского двора. На ступеньках храма — немногочисленная группа монашек в черном и женщин в мирской одежде, в платках. Среди них Клавдий Мамонтов увидел тех самых свидетельниц — Павлову и Кавалерову. Их до монастыря подбросили полицейские на машине.

Женщины молча и недобро смотрели на схиигумена.

— Наконец-то полиция явилась меры принимать! — крикнула одна из монашек. — Дождались светлого праздника. Сколько мы жаловались на эту орду раскольников — ноль реакции от власти. Так вот теперь они одну из наших убили — Серафиму! А мы предупреждали: этим все и закончится — душегубством!

— Не каркай, ворона, — хладнокровно осадил ее отец Афиноген.

— Когда последний раз вы видели Серафиму Воскобойникову? — спросил его полковник Гушин.

— Когда-то видел. Мельтешила она здесь.

— А тогда, когда ты полаялся с ней жестоко в прошлый раз, — снова громко заявила мятежная монашка. — Пусть полиция все узнает. Мы ничего скрывать не станем. Мы не из его приспешников, мы те немногие, кто остался здесь верными церкви, когда он — этот блудодей и раскольник — выгнал из монастыря нашу игуменью Матрону и засел здесь со своей бандой с Урала. Виданное ли дело — мужиков, казаков в женскую обитель понагнал, чтобы мужики, монахи и монашки вместе сожительствоваали! Это в сектах только так принято. А он и есть сектант и раскольник. Серафима сразу против этого восстала. Обличала она его — язычника бородатого.

— Да, она против Афиногена выступала открыто, — подхватила и свидетельница Мария Павлова, оборачиваясь к подруге своей Кавалеровой. — Скажи, Ниночка? Мы и сами это с тобой здесь своими ушами слышали.

Толстая Нина Кавалерова кивнула и горестно вздохнула.

— За это они и убили ее. — Монашка в черном ткнула пальцем в отца Афиногена. — Вы только взгляните на его рожу. На ней же все написано — бандит! Может, сам не убивал, так приказал подручным своим. Они все сплошь по тюрьмам сидели!

— Не слушайте вздорных баб, — ответил смиренно схиигумен. — Никого я и тем более моя паства не убивали. А Серафима...

— Что? — спросил у него полковник Гушин.

— Она же не монахиня была, она в миру обреталась. Там и ищите ее убийцу. За стенами нашей обители.

— Вы ее хорошо знали?

— Я много лет был здешним духовником в монастыре.

— Монах в женской обители — духовник?

— Да. Церковь это разрешает.

— И вы были духовником Серафимы?

— Сначала да. Потом она перестала ходить ко мне на исповедь и слушать меня.

— Почему?

— Я открыто осудил власти за введение карантина. Это бред. Потому что нет никакого коронавируса и не было никогда. Все это выдумки.

— Умерших от вируса сейчас в три раза больше, чем потерь наших в Афганскую войну, — заметил Макар Псалтырников. — Это выдумки? От чего же люди умирают?

— А люди смертны. От чего-то да умирают. Мало ли.

— Но церковь всегда занимала разумную взвешенную позицию по вопросам поведения во время эпидемии. Прививаться паству агитируют, соблюдать неукоснительно все требования врачей.

— Шибко умный, да? — Отец Афиноген глянул на Макара из-под кустистых бровей. — Шибко образован-

ный, парень. Счастья-то тебе от этого подвалило, нет? Что-то не вижу я, что ты очень счастливый.

— Серафима конфликтовала с вами на почве вашего отрицания эпидемии? — уточнил полковник Гушин.

— Дура она была, распропагандированная телевизором, — жестко ответил схиигумен. — Что скажут по телику — тому и верила свято. Я ей — открой глаза, оглядись. Мир больше экрана. А она меня в ереси начала упрекать. Меня? А я ей — я, что ли, храмы велел на карантин закрыть в такое время? В такое время, когда слово Господне — оно как набат должно быть! Когда люди напуганы и сбиты с толку, и нет им ни покоя, ни утешения. Нет места даже, где помолиться о здоровье близких! Храмы закрыты! Это что — христианский поступок? Так только еретики поступают! Полные отщепенцы.

— Но о каком *таком времени* можно говорить, если эпидемии, по-вашему, нет и вирус — выдумки? — снова встрял Макар. — Не логично, святой отче.

— Ты логику в собственных поступках ищи, в своей жизни. — Схиигумен снова глянул на него. — Совет хочешь?

Но он не успел дать совет Макару. Потому что монашки из противного лагеря внезапно разразились криками и проклятиями.

— Серафима против него выступила, она в епархию на него написала, она первая тревогу начала бить — мол, раскол и смута в умах! — кричали монашки. — А ты ей угрожал открыто. Она тебя не испугалась, жалобу митрополиту даже написала. А ты ее кляузницей лял и потаскухой. А она дева непорочная...

— Сколько лет было Серафиме? — уточнил Гушин.

— Сорок пять! — кричали монашки. — Из них десять она здесь прожила, хотя пострига не принимала. Она всю бухгалтерию монастырскую вела при нашей игуменье Матроне. А ты как появился со своей бандой, перво-наперво

руки в монастырские финансы запустил. Она и в этом тебя обличала. В растрате и присвоении денег наших.

— Мятежная Иезавель, — хмыкнул Макар. — Храбрая женщина.

— Вот так они всегда, — печально покачал головой схиигумен Афиноген. — Раз против власти ты — значит, раскольник, блудодей, а теперь еще и вор. Это такое клише сейчас расхожее. Его спецслужбы на Лубянке выдумали и тиражируют для всех несогласных.

— Вы сам бывший сотрудник правоохранительных органов, и вы сидели за убийство, — сказал ему полковник Гущин. — А сейчас вы говорите, словно...

— Да он себя протопопом Аввакумом возомнил! — крикнула свидетельница Павлова. — Нюночка, скажи, а?

Толстая Нина Кавалерова и на это молча и печально кивнула.

— Где одно убийство, там и второе. — Гущин смотрел на схиигумена.

— Я тот грех свой отмолил и искупил. Я из ревности тогда это сделал, женщину приревновал любимую. — Схиигумен покачал головой. — И с тех пор понял — женщина есть сосуд смуты и зла. И Серафима была такой. Она не о пастве здешней пеклась, а о власти своей утраченной, коей она при игуменье обладала.

— Она тебя хотела заставить нормы элементарные санитарные соблюдать, когда столько зараженных! — крикнула монашка-обличительница.

— В монастыре нет и не было больных. — Отец Афиноген повернулся к полковнику Гущину. — Вот ты, мой бывший коллега, заболеть боишься. Дрянью всю эту на себя нацепил — маску, перчатки. Да если бог решит наказать болезнью, разве спасет от его наказания маска из марли? Ты подумай своей головой. И сними ты ее, открой лицо, вздохни полной грудью. Я тебе как бывший мент менту говорю — нет здесь болезни и заразы. Чисто все. И мы

все здоровы. Потому что этого вашего вируса — ковида нет и не было никогда. А выдумали его толстосумы мировые, чтобы под страхом смерти управлять вами, тупыми овцами, и во время вакцинации чипировать вас, дураков, сделать из вас всех роботов, покорных исполнителей воли своей сатанинской.

— Психоз крепчает, отче, — сказал Макар. — Хотя Илон Маск свинку с чипом уже миру предъявил.

— Кто и когда из вас видел Серафиму Воскобойникову здесь в монастыре в последний раз? — громко спросил монахинь полковник Гушин.

— Позавчера она была. А потом с полудня ее никто не видел. И не ночевала она здесь в келье!

— А вещи ее?

— Мы сейчас глянули — вещи на месте, какие она здесь держала. Сумки ее нет только.

— Но она не все время ведь жила в монастыре? Так?

— У нее квартира в хрущобе в Дегунине однокомнатная. Она ее монастырю отписала по завещанию.

— А звонить вы ей не пытались на мобильный? — задал самый простой вопрос полковник Гушин.

— Ой... да... то есть нет... у нас тут мобильные не очень в ходу... соблазн мирской... Матушка игуменья нам не разрешала их даже держать при себе. Отбирала и в сейф прятала. Но сейчас... ой... а какой номер-то у Серафимы? Кто знает?

— Надо в книге монастырской справочной глянуть!

— Где книга? — спросил Гушин.

— В канцелярии монастыря. Если они... орда не сожгли там все документы.

— Книга цела, я сейчас скажу, чтобы вам ее принесли. — Отец Афиноген сам достал из кармана рясы айфон последней модели, позвонил и распорядился.

Гушин тоже достал свой мобильный и позвонил начальнику местного отдела, так и оставшемуся за воротами.

— Все, заходите в монастырь. Надо допрашивать свидетелей, обыск провести в келье потерпевшей. И во всем монастыре.

Монастырский двор заполнился народом — те, кто преграждал путь полиции, медленно отступили. На подмогу полицейским приехал ОМОН в черном. Бойцы шли плотным строем, расчищая путь следственно-оперативной группе из Главка и местного отдела полиции. За полицейскими бежала пресса, телевизионщики с камерами и микрофонами.

— Ну что, как? — спросил Гущина начальник местного отдела полиции.

— Внутренний конфликт, неприязненные отношения. Борьба за власть.

— Чем не поводы к убийству? — Начальник отдела полиции оглядывал монастырь. — Вот тебе и место тишайшее. Арестовываем Валеру Жаброва — схиигумена?

— Задерживаем до выяснения. Его надо отделить от единомышленников, чтобы он не оказывал влияния на своих.

В этот момент бородатый казак из ряженных приволок странного, почти средневекового вида гроссбух и отдал его схиигумену.

— Здесь ее номер мобильного записан, — сказал отец Афиноген кротко, листая гроссбух. — Она МТС пользовалась, судя по коду. Звоните, проверяйте.

Гущин кивнул Клавдию Мамонтову, и тот, глянув на номер, набрал его на своем телефоне.

Гудки... гудки... гудки...

Он вспомнил полуголое тело с обнаженной обвисшей грудью и окровавленными ягодицами, бесстыдно вздернутое на сосне, в одном рубише, до которого пытались ночью добраться бродячие голодные псы-людоеды.

Где ее телефон сейчас? У кого? Он не выключен. Он работает. По спине Клавдия Мамонтова бежали мурашки — он ждал, что кто-то ответит ему и...

Гудки оборвались.

— Что и требовалось доказать. — Полковник Гушин повернулся к схиигумену. — Мы задерживаем вас, гражданин Жабров, по подозрению в совершении убийства Серафимы Воскобойниковой, которую вы...

— Святой отче, да что они такое плетут! — взревели ряженные казаки. — В убийцы тебя записали? Да мы... да мы все встанем сейчас за тебя как один!

— Раскольники! Сектанты проклятые! Наконец-то найдут на вас управу! Выкинут вас отсюда! — визжали монашки — противницы схиигумена.

Клавдий Мамонтов видел перекошенные злобой и ненавистью лица. Открытые рты, извергающие проклятия. Увидел искаженное злой гримасой лицо свидетельницы Павловой. А потом увидел Нину Борисовну Кавалерову — ее товарку. Она пригорюнилась по-бабьи и только головой качала скорбно. Взгляд ее выпуклых серых глаз был затуманен.

— Ведите Жаброва к машине, а здесь начинается обыск и опрос свидетелей, — распорядился начальник местного отдела полиции.

— Не орите и не злобствуйте! — Отец Афиноген властно поднял руку вверх, призывая монастырь к повиновению. — Малoverы! Прекратить истерику! Тот, кто, как я, целиком полагается на Господа нашего, не боится ни насилия властей, ни наветов клеветы. Я невиновен, и моя совесть чиста. А Господь совершит чудо! Вы все его узрите, как я уже своим внутренним взором вижу его!

— Жабров, хватит ломать комедию, давайте к машине тихо-спокойно, без эксцессов. — Начальник местного отдела взял схиигумена за локоть.

Тот обернулся. Глаза его вспыхнули.

— Чудо Господне! — крикнул он вдруг пронзительно и страстно. — Чудо! Здесь и сейчас!

Он вырвал свою руку и ткнул перстом в сторону ворот монастыря, которые в этот момент были пусты, потому

что все — и полиция, и монастырские противоборствующие стороны, и журналисты-телевизионщики — все переместились во двор.

— Это кто, по-вашему? — громко, торжествующе спросил отец Афиноген.

Глава 7

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ, ИЛИ ПСИХОЗ № 3

За два дня до описываемых событий

Для Клавдия Мамонтова все началось с вызова к начальнику Бронницкого УВД майору Денису Скворцову, с которым они подружились крепко со времен дела об отравлениях в доме на Бельском озере¹. Тот сообщил: «Братан, а у тебя опять командировка нарисовалась, просит тебя помочь такой человек, которому не откажешь».

Надо отметить, что свой Бронницкий отдел ГИБДД, в котором он вообще-то по документам числился как сотрудник автоинспекции, Клавдий Мамонтов не посещал давным-давно. Он кочевал по командировкам из одного отдела полиции Подмосковья в другой — его негласно «брали в аренду», как бывшего телохранителя-бодигарда высокого класса, имевшего большой профессиональный опыт в задержаниях не просто одиночных вооруженных преступников, но целых групп. Делалось это по одной простой причине — полиция не желала кланяться в ноги Росгвардии, в которой числились теперь спецподразделения. Хотели обойтись своими силами — дешево и сер-

¹ Подробно об этом деле читайте в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

дито, если наклевывалось серьезное дело с задержанием, погоней и стрельбой. И приглашали Клавдия Мамонтова «по-дружески оказать содействие».

Однако в этот раз все было иначе.

— Кто просит помочь?

— Сам начальник криминального управления Главка Федор Матвеевич Гущин, вы же с ним знакомы. — Майор Скворцов поправил на носу свои модные очки, столь похожие на старинное пенсне. — Он позвонил мне сейчас. И позвонит тебе. Я тебя откомандировываю в Главк в его распоряжение до тех пор... ну, пока он сам тебя назад не прогонит.

Затем Клавдию Мамонтову позвонил сам полковник Гущин и сухо-деловито попросил его приехать завтра утром к девяти в Главк в Москву в Никитский переулок. При этом произнес какую-то странную фразу — как подойдешь к КПП Главка, позвони мне, я тебя встречу.

Чтобы сам шеф криминального управления встречал прикомандированного сотрудника полиции из заштатных Бронниц? Где это видано?

На следующее утро Мамонтов исполнил все инструкции четко. Приехал в Главк, позвонил Гущину — по его номеру на мобильный, который у него определился. Полковник появился со стороны узкого коридора, ведущего во двор Главка.

И Клавдий Мамонтов, увидев его, потерял дар речи. Полковника Гущина он еле узнал!

Он прекрасно помнил, как выглядел шеф криминального управления раньше — здоровый плечистый толстяк за пятьдесят, лысый, тяжеловесный и немногословный. А сейчас он видел тень!

Полковник Гущин похудел на тридцать килограммов. Теперь это был высокий плотный стройный мужчина с крупными руками, на котором мешком висел его старый деловой синий костюм. Он помолодел лет на десять

внешне, однако... Клавдия Мамонтова поразило выражение его лица — нервное, беспокойное. Щека дергается в тике, взгляд какой-то затравленный.

Он шел по пустому коридору, где никого не было. Увидев Мамонтова у КПП, он сунул руку в карман пиджака и достал медицинскую маску. И тут же надел ее. Клавдий Мамонтов заметил на его руках латексные перчатки.

— Привет, — хрипло сказал полковник Гушин. — Спасибо, что приехал. Пойдем во двор, надо поговорить.

Мамонтов поймал взгляд дежурного у КПП — тот смотрел на Гушина странно: с какой-то затаенной жалостью и недоумением.

Сразу после окончания карантина Клавдий Мамонтов краем уха слышал о Гушине лишь то, что тот в середине апреля на пике эпидемии в Москве заразился и заболел коронавирусом. Болезнь протекала очень тяжело. Он находился в инфекционном госпитале полтора месяца — из них почти три недели в реанимации, был и на искусственной вентиляции легких. Затем его выписали домой. Через две недели, уже летом, в июне он вышел на работу. Ему стало плохо прямо на улице — он едва не задохнулся тогда. На «Скорой» его снова отвезли в госпиталь, где лечили еще две недели.

Судя по всему, с больничного он вышел совсем недавно.

— Клавдий, поработаешь со мной? — спросил полковник Гушин. — Снова, как в прошлый раз?

Мамонтов знал, что он имеет в виду то дело об убийствах на Патриарших прудах и в Бронницах, на котором судьба впервые свела его с полковником и... с ней... с Катей¹. Они были с ней напарниками в том деле, а Гушин — их шефом.

¹ Подробно об этом деле читайте в романе Т. Степановой «Грехи и мифы Патриарших прудов».

— Мне неловко вам отказывать, — сказал Мамонтов. — Но в этот раз я пас. Я не могу быть здесь в Главке. По личным причинам, Федор Матвеевич.

— По каким личным причинам? — спросил Гушин.

— Она с вами всегда работает. Вы знаете, кто...

— Ее не будет в этом деле. Екатерину я привлекать не стану. К тому же ее нет в Главке. Она в командировке, пресс-служба другими делами сейчас занята. А я официально для всех пока еще на больничном, на реабилитации. Вы поссорились с ней?

— Мы не ссорились. Просто она... не хочет меня видеть. А я не желаю навязываться.

— Повторяю, ее сейчас нет в Главке. Вы не встретитесь с ней здесь даже случайно, пока ты будешь работать в паре со мной.

— Тогда ладно. А что за дело, Федор Матвеевич?

— Нет вроде пока никакого дела. Есть лишь предчувствие, фантом. Но возможно ДЕЛО скоро случится. Вот-вот...

Клавдий Мамонтов воззрился на Гущина. Это как же понимать?

— Наша жизнь кардинально изменилась, — заявил полковник Гушин, достал из кармана пачку сигарет, сунул по привычке сигарету в рот — нелепо под маску и... сразу выбросил. — Я вот курить не могу. Не бросил. Просто не могу. Кашлем захожусь сразу. А все в стороны шарахаются, как от зачумленного. Я с некоторых пор не могу и... Ну, то, что я делал раньше легко, не думая, самые обычные вещи — теперь все это превратилось в некое непреодолимое препятствие. Для меня.

— Не врубаюсь что-то я, Федор Матвеевич.

— Ты мне нужен, Клавдий. Ты умный. Ты внимательный. Ты собран, не заторможен. Ты видишь детали и обращаешь внимание на мелочи. Ты делаешь то, что делал я сам, когда мог... Я хочу, чтобы ты не просто работал

со мной. Я хочу, чтобы ты стал моими глазами и моими ушами, моими органами чувств.

— То есть как это?

— Так. И чтобы не задавал мне лишних вопросов.

— Но я не понимаю. И задаю вопросы. Объясните мне — что вы от меня хотите.

— Будешь всегда при мне здесь, на работе. Когда я скажу — войдешь в помещение. Я снаружи останусь. Ты снимешь все на телефон. Или включишь видеовызов и покажешь мне обстановку внутри. Ты будешь общаться с людьми... со свидетелями, подозреваемыми... если я не смогу с ними сам говорить... Потом все в деталях перескажешь мне. Если это будет людное место... ты вообще станешь там работать автономно, сам, поддерживая со мной связь по телефону или в этом, как его... в «зуме». Сейчас технологии позволяют работать и в паре, и дистанционно.

— Хорошо. Ладно. — Клавдий Мамонтов смотрел на полковника. Что у него с головой, а? — Только как же это... почему?

— Потому. Не надо никаких вопросов. Такой у нас уговор.

— Ладно. Уговор. Но почему? Федор Матвеевич?

— Тебе здесь в Главке скажут, что я после ковидного госпиталя свихнулся. — Полковник Гушин выпятил свой раздвоенный подбородок. — Психоз. Ну, что смотришь на меня так, парень?

— Вы и правда очень изменились, Федор Матвеевич.

— Я умер. — Гушин как-то слабо, жалко, печально усмехнулся ему. — Считай, что перед тобой — ходячий мертвец. Воскресший по чистому недоразумению. Совершенно случайно.

— Мне когда приступать к своим обязанностям? — тихо спросил Клавдий Мамонтов.

— Прямо сейчас. Ты завтракал?

— Нет. Я рано утром на машине рванул прямо из Бронниц сюда в Москву.

— Все там же живешь — на папиной профессорской даче?

— Да.

— Далек тебе будет ездить в Бронницы, у родителей в Москве придется пожить это время.

— Я что-нибудь придумаю с квартирой. Сниму.

— Еще насчет машины. — Гушин помолчал. — Я со своим водителем сейчас не езжу. А сам пока водить не могу — задыхаюсь, в глазах темнеет. Покатаешь меня на своей?

— Хорошо.

— Это в уговор наш входит. В наш пакт. Я ненормально себя веду. А ты этому не удивляешься, парень. И не задаешь мне вопросов.

— Я попытаюсь поступать, как вы хотите, — честно ответил Мамонтов.

— Пойдем завтракать. Ты зайдешь в «Кофеманию», внутрь. — Гушин говорил о знаменитом кафе на Большой Никитской, которое посещали сотрудники областного Главка, — купишь нам с тобой кофе и бургеры — навынос. Вот деньги. — Он достал из портмоне купюры. — Они чистые, я их санитайзером обливаю, а потом оставляю сохнуть.

— Можно на открытой веранде сесть, Федор Матвеевич.

— Там народу полно. На бульваре поедим. На вольном воздухе.

— Ладно, все куплю. Сладкого чего-нибудь взять вам в кафе?

— Сладкого себе возьми. Ты молодой.

— А что за дело нам предстоит, Федор Матвеевич? Которого нет?

— Скоро все узнаешь. Я думаю, ждать недолго. — Гушин повел его через внутренний двор не к КПП, а к въездным воротам, достал пульт и сам открыл их.

Через двор шла группа полицейских.

— Федор Матвеевич, мы к вам как раз. Надо решить... вы к себе в кабинет? Когда к вам можно зайти?

— Вы мне позвоните, — ответил полковник Гушин. — Все вопросы можно решить и по телефону.

Он вышел из ворот в Никитский переулок. Мамонтов чуть замешкался, услышал, как один опер тихо сказал другим:

— Он работать не может. У него с головой совсем плохо. Ковид, видно, и на мозги действует. Это просто другой человек стал!

Они все были без масок и без перчаток.

Клавдий Мамонтов вышел за ворота. Гушин пультом ворота закрыл.

— И самый главный вопрос, — обернулся он к Мамонтову. И тот понял — и правда, перед ним другой человек! Не прежний Гушин. Но кто? — Ты переболел?

— Нет. Я не болел «коронай».

— Значит, у тебя нет антител.

— Наверное.

— И тест не сдавал на вирус?

— Нет, Федор Матвеевич.

— А если я попрошу, сдашь?

— Сдам. Только это ведь на один день. Что, каждый день прикажете тест сдавать?

— Тоже считаешь меня ненормальным?

— Вы сильно изменились. Я должен к этому еще привыкнуть.

— Привыкай. — Гушин смотрел на него. — Впрочем, ты можешь отказаться. Вернуться в Бронницы.

— Я вас сейчас не оставлю. — Мамонтов хотел добавить — в таком состоянии, но прикусил вовремя язык.

— Значит, ты не болел. И у тебя нет антител. И ты можешь быть бессимптомным носителем.

— Вы болели. У вас у самого есть антитела. Имму-
нитет.

— Нет. У меня его нет. В том-то и дело. — Полковник
Гушин смотрел на Мамонтова. Глаза над маской. Взгляд
такой... пристальный и прямой. — Парадокс. У всех тя-
жело переболевших есть, но не у меня. И врачи не знают,
почему это, может, гены такие. А ты, значит, для меня
смертельно опасен.

И он вдруг медленным жестом стянул маску на под-
бородок. И улыбнулся Клавдию Мамонтову отеческой
благодарной светлой улыбкой.

Глава 8

ЧУДО

— Это кто, по-вашему? — воскликнул схиигумен Афи-
ноген.

И ткнул скрюченным пальцем в сторону ворот мона-
стыря.

Они все, как по команде, подчиняясь его властному
окрику, оглянулись — и паства, и противники, и полиция,
и телевизионщики.

В пустых воротах — приземистая фигура. Полная гру-
дастая женщина в долгополой юбке с туго набитой хо-
зяйственной сумкой на колесиках, которую она волочила
за собой. А сейчас остановилась — сняла платок, обмо-
танный вокруг шеи, и начала повязывать его на голову
«комсомолочкой». Клавдий Мамонтов успел заметить ее
тусклые светлые крашенные волосы. На ней, кроме юбки
и кроссовок, была черная футболка. Теплая вязаная кофта
обвязана вокруг широкой талии.

Монастырские смотрели на нее изумленно и вроде как
со страхом. Полиция с недоумением.

— Серафима... Это ты?! — тревожно-испуганно выкрикнула одна из монашек — противниц отца Афиногена.

— Я... а вы чего здесь все? Митингуете? — Женщина с сумкой на колесиках выглядела удивленной.

— Так как же это... ты же... ты с того света, что ли, к нам? Вестником? Явление?

— Каким вестником? Наташа, очумела? Ты что так на меня смотришь? Что вы все на меня уставились?

— Тебя же убили! — воскликнула монашка страстно. — Они! Изверги! — Она ткнула в сторону схиигумена. — Они же тебя мученической смерти предали. Полиция здесь — арестовывает их за это!

— Как вас зовут? Назовите свое имя и фамилию, — громко попросил полковник Гуцин.

— Серафима я... Воскобойникова... Николаевна по отчеству. А ты, Наталья, что плетешь, когда это меня убили... Типун тебе на язык!

— Вы откуда идете? Где вы находились все это время? — снова задал вопрос полковник Гуцин.

— В Москву ездила, — ответила целая-невредимая Серафима Воскобойникова. — По делам.

— По каким делам? Вас не было в монастыре трое суток.

— А вам какое дело? Да вы кто такой, чтобы допрашивать меня? Я человек вольный, пострига не принимала и отчет никому не обязана давать. — Серафима подбоченилась. — Я у подружки ночевала — у сестры своей названной. Мы, детдомовские, на похороны нашего собрались. От «короны» он умер, несчастный. А мы все приехали — потому как брат наш. И там кого только не было — и юрист среди наших есть, и даже замкомандра этой... как ее... Гвардии! Я с ними переговорила. Найдем на тебя управу, Афиноген! Думаешь, тихие мы, покорные? А ты творить можешь, что хочешь, и никто тебе не указ? Так у меня такие связи теперь! Вот позвоню замначаль-

нику Росгвардии — детдомовскому моему корешу, — она выхватила из кармана юбки мобильный, — так он мигом сюда спецназ пригонит — выкинет тебя с приспешниками из нашего монастыря!

— Мы полиция, — объявил ей Клавдий Мамонтов, — мы вам звонили на ваш номер. Почему вы не отвечали?

— Я с электрички слезала, мобила у меня трезвонила. Недосуг мне было. Да чего здесь стряслось-то без меня?

— Говорю же — вроде как убили они тебя, — уже тише объявила ей монашка. — Наши девочки тебя опознали... ну, тело твое... долго жить теперь будешь. И полиция сюда явилась его арестовывать, твоего убийцу — схиигумена с его бандой.

— Я ему так убью! — Монастырская Серафима-Иезавель бросила свою сумку на колесиках и зашагала к отцу Афиногену. — Ах ты, гнилушка подзаборная... я тебе так убью! Кувырком у меня полетишь, костей не соберешь... Бороденку твою всю по волоску повыдеру! Да ты что?! Ты со мной тягаться вздумал? Я до самого патриарха дойду, а выкурю тебя из нашего монастыря! Самозванец! Мерзавец! Еретик!

Монастырская Иезавель орала на весь двор, грозя увесистым кулаком хилому схиигумену.

— Господь порой совершает чудо, — философски изрек отец Афиноген. — Но лучше бы он его не совершал. Ну что, есть у вас еще ко мне вопросы, господа-товарищи из полиции?

— Что же это такое, Федор Матвеевич? — тихо спросил начальник местного отдела у Гущина.

— Ошибка. Свидетельницы с перепуга обознались. Серафима Воскобойникова жива. А у нас женский неопознанный труп на перекрестке. И жертва необязательно из ваших мест. — Полковник Гущин направился к воротам. — Всем мероприятиям — отбой. Мы покидаем монастырь.

— Да, это уже здесь дела внутренние, церковные, —

с облегчением согласился и начальник отдела. — Разбейтесь без нас.

— Бросаете нас? — взвыли противницы схиигумена. — И это называется — полиция? Ноги в руки и бегом? А нас-то на растерзание еретикам оставляете? Ах вы, ироды, приспешники царя Новуходоносора! Семя антихристово!

Монашки окружили свою разгневанную Иезавель. Сторонники отца Афиногена сгрудились вокруг него, выпятив нечесанные бороды. Телевизионщики вели «прямой репортаж» и лезли в самую гущу событий.

— Вот поэтому я не хожу в церковь, — изрек Макар Псалтырников. — Несмотря на то что в предках моих, судя по фамилии, наверняка имелся какой-то сельский дьячок.

— Значит, неопознанный труп, Федор Матвеевич? — осведомился Клавдий Мамонтов.

— И потерянное утро. — Гушин глянул на часы. — Начинаем все сначала.

— А я бы не считал это утро потерянным, — заметил Макар.

— Почему? — спросил его Гушин.

— Так. Интуиция. Мы все равно узнали с вами и нечто весьма важное. Только мы пока не знаем, что именно.

— Твой кузен из Англии загадками изъясняется, — сказал Гушин Мамонтову.

— Да, он у меня такой, — согласился тот.

Глава 9

КУЗЕН ИЗ АНГЛИИ. СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ

Могут ли смертельные враги стать друзьями? Клавдий Мамонтов с некоторых пор задавал себе этот вопрос. Судьба порой открыто насмехается над пылкостью наших

чувств, над гневом и порывами души — и подкладывает такую свинью. Сентиментальную, нежную и пушистую.

После событий в Бронницах в доме на Бельском озере они с Макаром Псалтырниковым имели немало, что сказать друг другу¹. Но разговор сам собой отложился до ноября — Макар улетел в Англию и забрал своих маленьких дочек, живших в поместье в графстве Девон под присмотром английской гувернантки и нянек. Он вернулся в Москву, закрыл доставшийся ему в наследство особняк на Бельском озере. Сначала снял квартиру в Крылатском, а затем купил особняк в Замоскворечье.

Они встретились вновь после его приезда — и опять в Бронницах. Оба согласились — пора, пора выяснять отношения! Час пробил. И это дело мужской чести.

В том овраге в лесу у озера они едва друг друга не убили.

Но, к счастью, не убили... Ох, что было...

Катя, из-за которой все и случилось, о тех эпических событиях — об их дуэли! — даже не подозревала.

Мужики не рассказывают женщинам всей своей жизни, ни о своих фиаско, ни о ранах, ни о сломанных ребрах, ни о выбитых зубах.

Так считал Клавдий Мамонтов.

И Макар Псалтырников, который никогда ни в чем с ним прежде не соглашался, на этот раз не противоречил.

Ей не надо знать. Мы сами разберемся. Между собой.

Но вот как-то не разобрались они тогда! Слава богу, оба остались живы-здоровы, не считая переломов и выбитых зубов. И все подвисло — до того самого рокового марта, который стал не только началом Глобального карантина — великого домашнего заточения, но и месяцем судьбоносных перемен в жизни Макара Псалтырникова.

¹ Эта история рассказана в романе Т. Степановой «Циклоп и нимфа».

Все звезды сошлись в зените, все пути пересеклись в одной точке. Жена Макара Меланья в начале февраля по приговору суда получила десять лет за совершение покушения на убийство отца Макара и Кати с помощью яда. Она еще находилась в женской тюрьме, готовилась к этапу в Читу в колонию, когда у нее начались преждевременные роды.

Мальчик родился недоношенным, но здоровым и крепким, несмотря ни на что.

Сразу после родов Макар через своего адвоката уведомил жену о том, что он дает старт разводу, отложенному им до рождения ребенка. Меланья в тюрьме подписала все документы, а потом ночью вскрыла себе вены куском припрятанной от надзирателей проволоки.

Ее спасли, перевели в тюремную больницу вместе с младенцем. Там она заразилась коронавирусом. Заболел и новорожденный ребенок.

Как только Макар получил от жены документы и согласие на развод, он сразу поехал к Кате.

Что там у них точно произошло, Клавдий Мамонтов не знал. Макар не сказал ему. Как, впрочем, и сам он не делился с ним подробностями своих сердечных дел.

Он знал лишь, что Макар уже официально попросил Катиной руки.

И Катя ему наотрез отказала.

В тот мартовский вечер Макар на своей машине рванул в Бронницы — в запертый и заколоченный отцовский дом. Он был вдребезги пьян. Не справился с управлением и с эллинга для яхт и каноэ въехал на своем внедорожнике прямо в Бельское озеро.

Дорогая крутая тачка ушла на дно как камень.

Макар из ледяной мартовской воды выплыл.

Узнав о случившемся, Клавдий Мамонтов (все же он числился в Бронницах сотрудником ГИБДД, хотя свободные от командировок дни проводил в тихом от-

деле регистрации за компьютером) сам выехал на место аварии.

Он забрал пьяного мокрого Макара и отвез его домой в особняк в Замоскворечье. Встретил там горничную Машу, знакомую ему еще по событиям в Бронницах. Располневшая сердобольная пятидесятилетняя горничная опять была при Макаре — исполняла в доме работу помощницы по хозяйству и няньки для маленьких дочек Макара. Клавдий Мамонтов познакомился и с ними, и с чопорной старой учительницей английского, нанятой Макаром гувернанткой к детям.

С Макаром с того злополучного дня случился его очередной алкогольный штопор. Он пил и не просыхал. И никто ничего не мог с ним поделать.

Клавдий Мамонтов оставил старухе-гувернантке свой номер мобильного, и та проявила бурную деятельность — сначала связалась с семейным адвокатом Псалтырниковых, затем позвонила Мамонтову.

С помощью адвоката Макара изъяли как вещь из-под родного крова в замоскворецком особняке и поместили (против его воли) в закрытый фешенебельный рехаб для алкоголиков и наркоманов в поселке Лесные Дали.

На следующий день рехаб закрылся на полный карантин по случаю вируса. Еще через три дня объявили карантин по всей стране.

В рехабе Макара полтора месяца лечили от алкоголизма, купировали запой, приводили в чувство.

В этот момент в рехабе один за другим начали заболевать коронавирусом пациенты, заражая друг друга.

Макар заболел в конце апреля. И болел тяжело — три недели у него не спадала высокая температура. Еще две недели он ощущал дикую слабость и одышку. В больнице он не лежал. Рехаб на тот момент сам напоминал закрытую инфекционную клинику.